

Разочарованный «машинист»

Россия. — 2004. — 27 мая — 2 июня. — С. 15

Владимир Преображенский. Фото автора

Помпезным концертом не где-нибудь, а на Красной площади 30 мая группа «Машина времени» отметит свой 35-летний юбилей. Срок для существования коллектива, без сомнения, достойный. О том, в каком виде и с каким творческим и моральным зарядом он пришел к этому рубежу, можно спорить, но не будем. Однако, встретившись с главным «машинистом», кулинаром, писателем, художником и вообще мастером на все руки Андреем Макаревичем, обозреватель «России», к своему огорчению, нашел в нем забеганного, довольно неприветливого человека.

Андрей Вадимович отчаянно торопился в театр, и интервью с еще одним представителем прессы его явно угнетало. Беседовать пришлось уже в машине: знаменитый музыкант расположился на своем почетном переднем сиденье и небрежно, в буквальном смысле через плечо, наговаривал свои ответы в диктофон, неловко подсунутый мною сзади.

— На афишах предстоящего юбилейного концерта красуется «пацифик». В связи с этим такой вопрос: Андрей Вадимович, какие идеалы 20–30-летней давности для вас потеряли смысл, а какие по-прежнему остаются актуальными?

— Отношение ко всему, связанному с войной, не изменилось. Поэтому «пацифик» там место и имеет. Мы, в общем-то, были такими хиппи в 70-е годы, насколько это было возможно в тогдашней стране.

— В чем это выражалось? В антураже?

— Отчасти в антураже, безусловно. Но в нашей стране это было больше, чем антураж. Он у нас очень протестно выглядел, потому что мы разделяли эти идеи. Ведь внутри этой хипповой системы отношения были наверняка абсолютно такие же, как внутри американской системы. И, скажем, в 70-е годы рок-группы между собой дружили очень. И попросить на концерт усилитель у кого-нибудь или гитару — это было совершенно нормальным, и никому в голову не могло прийти брать за это деньги.

— То есть сейчас и среди друзей такого нет?

— Ну, сейчас вроде у всех все есть, но мы, конечно, все стали более материальные, скажем так. Легко быть хиппи, когда все нищие... (Долгая пауза.)

— Потом, когда все стало по-другому, в каких-то идеалах вы разочаровались?

— Ну, вообще жизнь — это последовательная цепь разочарований. Ты каждый день в чем-то разочаровываешься. Это нормально. Я, например, долгое время считал, что хороший музыкант не может быть плохим человеком. Это было большое заблуждение! Я на этом «нагревался» много раз.

— Борис Гребенщиков как-то заметил, что группа «Машина времени» в ее нынешнем виде больше напоминает «общественный институт». Вы согласны?

— Я не очень понимаю, что он имел в виду. Если то, что мы сейчас не занимаемся каким-то музыкальным новаторством, то мы им никогда и не занимались. Музыка наша всегда была достаточно традиционной.

— А не было желания поэкспериментировать?

— Н-нет, потому что если бы оно возникло, то тут же было бы осуществлено. Нам никто не запрещает. Мне в этом смысле нравится Боря, который говорит о новаторстве, но при этом сам, по моему, гораздо более традиционен, чем мы, если говорить о музыке. Я как-то по другим критериям качества всегда оцениваю и свою, и не свою музыку. Если мне что-то нравится, мне совершенно наплевать, традиционно это или как-то экспериментально. Но вот когда кто-то делает по принципу «правой рукой через левое ухо», меня это никогда не греет. Я осторожно отношусь к авангарду. Не потому, что я консерватор, а потому, что за ширмой авангарда очень легко спрятать собственную бездарность. Вот за традицией хрен спрячешься: сразу все будет слышно! А так я довольно ровно отношусь к любому направлению, лишь бы было хорошо.

— Какой момент в истории «Машины времени» был наиболее драматичным?

— Я не думаю, что был один какой-то момент. Были противные годы: это 77-й, 78-й и начало 79-го, когда нас запрещали. Очень были противные годы 82-й, 83-й, правление Черненко.

— То есть так или иначе состояние группы было связано с политической ситуацией в стране?

— Да потому что нам дышать не давали просто! И здесь было противно жить и смотреть на то, что происходит. Когда людей не выпускают на сцену месяцами, держат на репетиционном периоде, запрещают петь то, что они сочиняют, это, в общем, удовольствие не доставляет. Ни-

Сегодня Андрею Макаревичу не до хиппи

чего! Мы-то живы, а где те ребята, которые все это запрещали?

— Существует такое мнение, что талантливые, неординарно мыслящие молодые люди, которые у нас в стране, заиграли рок-музыку в 70–80-х, в наше время уж точно занялись бы чем-то другим, стали бы реализовываться в какой-то другой сфере.

— Мне за других трудно говорить. Если бы мне сейчас было 18 лет, я бы тоже музыкой не стал заниматься.

— Почему?

— Потому что то, что я услышал бы сейчас, меня бы не вдохновило никоим образом на занятие музыкой. Меня не интересует та музыка, которая в моде сегодня.

— И у нас, и на Западе?

— А что, есть еще музыка, которая модна у нас? Это кто?

— ...музыка, конечно, сейчас разная. Ну, Земфира популярна, например.

— Ну, Земфира — хороший музыкант. Кстати, она мне нравится.

— А из совсем последних — скажем, группа «Звери», прости Господи...

— «Звери» тоже ничего, между прочим. Не раздражают совершенно.

— Нет? Впрочем, в последнем альбоме, согласен, что-то есть. В своем жанре он довольно качественный.

— Альбом я их не слышал, а вот эта песенка — «Все, что меня касается» — смешная такая, заводная.

— На ваш взгляд, сегодня в нашей стране определенный

творческий жест художника (в широком смысле) или группы художников способен изменить общий климат — политический, культурный, социальный?

— Не знаю... Не знаю. Если бы вы мне продемонстрировали какой-то конкретный жест группы художников, я бы, наверное, вам смог его охарактеризовать. Вообще каждый человек каждый день своим присутствием здесь все равно что-то меняет. Даже от того, улыбнулся ли он кому-то или нахамил, что-то уже изменилось. (В задумчивости, переходя на иронию.) Конечно, вот это мессианство подпольное времен советской жизни, оно исчезло, безусловно. Потому что были совершенно иные правила игры. Сейчас даже смешно на эту тему разговари-

вать. Я думаю, что на самом деле все стало более НОРМАЛЬНЫМ, потому что все заняло свои места: политики занимаются политикой, художники занимаются живописью, слава тебе, Господи.

— Но ведь не в последнюю очередь именно по этой причине давние поклонники-меломаны и «Машины времени», и некоторых других заслуженных команд в своих кумирах разочаровались, как только вы, по их мнению, перестали «глаголом жечь сердца людей» и продались официозу...

— Вы знаете, мне абсолютно плевать, какие меломаны в чем меня обвиняют. Я достаточно строго слежу за собственными телодвижениями. Если меня кто-то и может в чем-нибудь обвинять, то это я сам. Поэтому не нравится — не ешьте.

— Но все-таки на ваших песнях воспиталось уже не одно поколение. Чувствуете ли вы какую-то ответственность «за тех, кого приручили», если процитировать здесь Экзюпери?

— Вы знаете, я никого не приручал. Во всяком случае, не ставил себе такой задачи. Я просто показывал то, что у меня получается, если я считал, что результат труда достоин того, чтобы его продемонстрировать. Фанатов безумных я всегда побаивался. Мне всегда казалось, что нормальный человек должен нормально реагировать, как бы это ему ни нравилось. Я бы не стал сидеть под дверью у Пола Маккартни, хотя я боготворил его музыку. И если кто-то приручился сверх меры, то, ей-богу, это не моя проблема, а его. Хотя чувство благодарности к людям, которые испытывают потребность в наших песнях, я, безусловно, ощущаю.

— Следующий вопрос о женщинах. У вас довольно большой опыт...

— Да вы что?! Как же вы определили? Исходя из моего возраста?

— Не только... Чему вас женщины в жизни научили?

— (Удивленно.) Ничему. Чему женщина может научить мужчину?

— А наоборот?

— Я и не старался их ничему учить. Мы разные животные, совершенно. Для того чтобы найти способ гармонично существовать вместе и получать от этого взаимную радость, счастье, нужно обладать какими-то качествами, которые у человека либо есть, либо их нет. У меня их, наверное, было чуть меньше необходимой нормы, хотя сейчас, по моему, все исправилось.

— Есть ли что-то такое, в чем вас женщины тотально разочаровали?

— В общем-то, чем больше ты их узнаешь, тем больше разочаровываешься. (Оживляясь.) А с другой стороны — не фигу себе строить иллюзии! Изучи сначала вопрос. А потом уже оценивай ситуацию.